

ных проблем. Ценнейшее основное содержание антропологии, созданное многими поколениями ученых, нужно, «не расплескав», но обогатив, донести до той ячейки, которую займет эта наука в будущих человековедческих комплексах высшего порядка.

Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

**(по материалам этносоциологических
исследований у народов СССР)**

На конкретных этапах исторического развития обрядность народов СССР имела специфические особенности как в символическом отражении представлений об идеале человека и отношениях между людьми в обществе и семье, так и в соотношении традиционных и новых форм в обрядах¹.

Проблема соотношения традиционного и нового в обряде — один из вопросов о многообразных формах адаптации традиционной культуры к новой эпохе, о тенденциях и перспективах ее развития в наши дни. Соотношение традиционного и нового в обряде имеет не только этнографический, но и социально-психологический аспект; оно касается внутренних взаимоотношений людей, типов их поведения в ритуально-обрядовых ситуациях. Исследования в этой области помогают раскрыть механизм передачи межпоколенной «этнической» информации.

Вопросы, связанные с изучением основных тенденций развития семейных обрядов, представляют интерес и для этнографов, и для этносоциологов.

Этносоциологи в первую очередь выясняют, насколько представители различных национальностей, возрастов и социальных групп приобщены к культуре своего этноса, в какой мере она определяет их поведение и интересы. Следование обычаям и обрядам, так же как и отношение к ним, является одним из свидетельств значимости традиционной культуры. Полученные в ходе массовых опросов материалы используются для решения этносоциальных проблем, например (применительно к теме) для выяснения влияния семейных обычаев на повседневное поведение людей различных национальностей или, скажем, влияния непомерно пышных свадеб на семейный бюджет или ценностные ориентации людей и т. п. В то же время полученные в ходе таких исследований материалы могут быть использованы и в целях этнографического изучения: например, для выявления степени распространения свадеб, справляемых по развернутому или редуцированному национальному ритуалу в разные исторические периоды (естественно, в пределах, которые охватывает память ныне живущих людей).

Выводы исследователей об отношении населения к семейным обрядам, а также об их реальном бытовании в различных возрастных и социально-профессиональных группах (например, среди высококвалифицированных и малоквалифицированных рабочих, художественной и производственной интеллигенции и т. д.) позволяют прогнозировать основ-

¹ *Сабурова Л. М.* Некоторые вопросы изучения новой обрядности. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ, 1969, в. II; *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР. — Сов. этнография, 1973, № 4, с. 14; *Угринович Д. М.* Обряды: за и против. М.: Политиздат, 1975, с. 110—135; *Устинова М. Я.* Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980, с. 110—111 и др.

ные тенденции развития современной обрядности в ближайшем будущем.

В этносоциологических исследованиях, осуществляемых в ряде союзных республик (РСФСР, Узбекистан, Грузия, Молдавия, Эстония) Сектором конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР под руководством Ю. В. Арутюняна по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР»², а также в этнографических исследованиях, проводившихся с применением этносоциологических методов в Белорусской ССР, в Удмуртской АССР, в Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР, среди татар Сибири, предусматривался сбор материала о бытовании семейных обычаев и обрядов и отношении к ним различных кругов населения.

В зависимости от целей и задач конкретных исследований в упомянутых регионах, естественно, выдвигались различные проблемы. Так, Сектор конкретных социологических исследований Института этнографии АН СССР в соответствии с принятой программой фиксировал бытование традиционного свадебного и некоторых родильных обрядов и выяснял отношение к ним населения. При этом изучались нации, культура которых в прошлом существенно различалась, так как одни народы находились на стадии капиталистического развития, другие — феодальных отношений и религии, оказывавшие на них влияние, были различными — от католицизма и лютеранства на западе до мусульманства на востоке. Учитывалась также специфика современной культуры, определяемая разной степенью урбанизации и сохранения традиционного слоя культуры. В исследовании сосредотачивалось внимание на разнообразных факторах, влияющих на семейную обрядность, но сам обряд рассматривался без необходимых для этнографов подробностей, поскольку, как уже говорилось, целью данной работы было решение этносоциологических проблем.

В исследованиях этнографического характера более детально рассматривались сами обряды. Например, в работе М. Я. Устиновой, специально посвященной семейным обрядам латышского городского населения в XX в., была поставлена задача выявить отношение населения к свадьбам различного типа: с развернутым традиционным ритуалом, с современным ритуалом, вечеринке с некоторыми элементами традиционного ритуала, просто вечеринке, комсомольской (так называемой «общественной») свадьбе. При этом под развернутым традиционным ритуалом подразумевалась свадьба, состоящая из сватовства, венчания (которое при Советской власти иногда проводилось параллельно с регистрацией в загсе), обряда снятия фаты и венка, перевоза приданого и послесвадебных обрядов; под современным свадебным ритуалом — оформление брака в загсе, сопровождающееся коллективными выступлениями товарищей молодоженов с наставлениями, в том числе шуточными («брачные вестники»), чтением коллективных поздравительных телеграмм и соблюдением некоторых традиционных обычаев и обрядов: выезд разукрашенного свадебного «поезда» в загс, устройство почетных ворот по дороге домой, шуточная проверка трудовых навыков молодых у входа в дом, где справляется свадьба, встреча молодых хлебом-солью, традиционное снятие фаты и венка. Под вечеринкой с некоторыми элементами традиционного ритуала подразумевалась свадьба с редуцированным ритуалом — встреча молодых хлебом-солью, снятие фаты и венка и другие отдельные элементы традиционного обряда.

Столь же конкретно семейные обряды и отношение к ним рассматривались Л. С. Христоролюбовой и Л. И. Семеновой у удмуртов, С. И. Каракеевой — у киргизов, Р. А. Григорьевой — у белорусов Латгалии³.

² О программе и принципах исследования см.: Арутюнян Ю. В. Социальное и культурное развитие наций в СССР. — Сов. этнография, 1972, № 4.

³ Устинова М. Я. Указ. раб.; Христоролюбова Л. С. Семейные обряды удмуртов. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1970; Семенова Л. И. О влиянии поколенного состава семьи на передачу этнокультурных традиций (по материалам

В этнографических исследованиях с использованием этносоциологических методов был получен вывод, который нам важно подчеркнуть,—отношение к родинным, свадебным и похоронным обрядам у людей, как правило, взаимосвязано. Те, кто положительно относятся к гражданскому обряду именнаячения, как правило, считают, что в случае утраты близкого человека их чувства лучше выразит гражданский погребальный ритуал. То же можно сказать и о свадебных обрядах. При этом характерно, что люди более склонны к соблюдению традиционных свадебных, чем родинных обрядов⁴. Видимо, отношение к свадебному обряду в системе обрядовых циклов, связанных с жизнью семьи, является достаточно выразительным показателем для оценки сохранения и перспектив развития семейной обрядности. Выбор именно «свадебного» индикатора для изучения бытования современной семейной обрядности в наши дни обусловлен следующими причинами: во-первых, современная свадебная обрядность изучена значительно лучше обрядности других семейных циклов; во-вторых, у разных народов наибольшее число традиционных элементов содержится именно в свадебном торжестве; в-третьих, среди всех рекомендаций и сценариев, разрабатываемых работниками «обрядовой службы» для проведения тех или иных церемониалов, сценарии свадеб выделяются включением наиболее ярких, эмоциональных, этнопоказательных моментов традиционной свадьбы⁵. В силу вышеуказанных причин этот индикатор выдвигался на первый план не только в этносоциологических исследованиях, но и в работах этнографов, когда они стремились охарактеризовать генеральные тенденции развития обрядности у народов СССР⁶. Однако авторы данной статьи считают, что вопросы и перспективы развития семейной обрядности, в особенности же наиболее актуальный для современной этнографии вопрос о соотношении традиционного и нового, могут быть изучены и на примере обрядности родинной и похоронно-поминального цикла⁷.

Первое, что обращает на себя внимание,—отношение к семейной обрядности взаимосвязано с бытованием у народов традиционной культуры в целом.

В республиках, где были проведены исследования (РСФСР, Узбекистан, Грузия, Эстония, Молдавия), пласт традиционной культуры в наибольшей мере сохраняется в Узбекистане. Здесь довольно прочно удерживаются традиции взаимоотношений старшего и младшего поколений, главенство мужчины в семье, нерасторжимость семейных союзов. Так, 88% узбеков считают, что брак должен заключаться с согласия родителей, и 84% полагают, что если у мужа или жены появилось новое сильное чувство, семья при наличии детей не может быть разрушена. Узбеки, как и все народы Средней Азии, чаще, чем жители других регионов страны, носят национальную одежду. В области духовной культуры они сильно ориентированы на народную музыку и танцы. Даже в городах ей отдают предпочтение 70—80% узбеков. И за свадьбу с возвращенным или хотя бы частичным традиционным обрядом высказалось 80% узбеков (78% в городе и 82% на селе).

с. Ляльшур Удмуртской АССР).—Сов. этнография, 1981, № 1; *Каракеева С. И.* Опыт изучения культурно-бытовых аспектов образа жизни киргизской городской семьи (Программа, методика и первые итоги исследования).—В кн.: Полевые исследования Института этнографии. 1977. М.: Наука, 1979; *Григорьева Р. А.* Традиционный свадебный обряд в современном быту белорусов Латгалии.—Сов. этнография, 1981, № 3.

⁴ *Пименов В. В., Христоробова Л. С.* Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 1976; *Устинова М. Я.* Указ. раб., с. 92, 158—161.

⁵ Опыт такой работы в Эстонии широко освещался в печати. См. подробнее: *Калитс В. Я.* О развитии новых свадебных традиций в Эстонской ССР.—В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981.

⁶ *Лобачева Н. П.* Указ. раб., с. 15; *ее же.* Общесоветское и национально-специфическое в новой обрядности.—В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР.

⁷ *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родинной обрядности украинцев). Киев: Наукова думка, 1981; *Тульцева Л. А.* Этнографические аспекты изучения религиозного поведения.—Сов. этнография, 1979, № 4; *Кремлева И. А.* Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области.—Полевые исследования Института этнографии. 1978. М.: Наука, 1980, и др.

В такой свадьбе, естественно, имеет место и гражданская регистрация брака в загсе, а в самом ритуале свадьбы сочетаются новые и старые элементы, зачастую переосмысленные. Так, в свадебное пиршество, которое по традиции для мужчин и женщин справляется отдельно, включается теперь праздничное застолье, во время которого чествуют жениха и невесту в присутствии их родителей, что свидетельствует о преодолении патриархального обычая избегания. Раздельное пиршество теперь вообще относится к числу уходящих свадебных традиций.

Общественным мнением осуждаются элементы традиционных свадебных обычаев, не отвечающие современному образу жизни. Так, до 80% узбеков при опросе высказались против калыма — заранее оговоренной платы за невесту дорогостоящими подарками. Конечно, в той или другой форме традиция дарить подарки остается, но они приобретают другой смысл: это уже не унижающая женщину плата за нее, а способ помочь молодым создать материальную базу для ведения собственного хозяйства.

Многие ритуальные действия тоже получают иное, чем прежде, значение. Так, джигитовка друзей жениха около свадебного поезда у хорезмских узбеков, киргизов, таджиков, имевшая в прошлом охранно-магический смысл, теперь приобрела черты жизнерадостного увеселения. У киргизов, например, даже в городе сохраняется красочный обычай старой свадьбы *чачыла* — осыпание невесты при входе в дом мужа сладостями, жареными в масле кусочками раскатанного дрожжевого теста (*боорсок*)⁸. В прошлом у большинства земледельческих народов СССР обрядовое осыпание жениха и невесты хмелем, коноплей, зерном злаков и др. было важным моментом свадебного церемониала. Обережно-магическое значение этого обычая, как правило, забыто, но сам обычай не исчез. В модифицированных формах он сохраняется во многих районах, особенно в сельской местности. Наряду с традиционными хмелем, зернами, жениха и невесту осыпают теперь конфетами или другими сладостями. Изменился и смысл, вкладываемый в обряд: это прежде всего пожелание молодым счастливой, «сладкой», жизни.

В современной свадьбе с традиционными элементами сохраняются танцы, музыка, пение. Впрочем, они нередко заимствуются из старой свадьбы, даже если справляется просто вечеринка (за такую форму свадьбы среди узбеков высказалось 16% в городе и 13% на селе). К свадьбе обычно готовят блюда традиционной кухни. Можно сказать, что в определенных ситуациях (в нашем случае на свадьбе) пища продолжает играть роль «этнического» символа в общении людей. Например, для многих народов Среднеазиатско-Казахстанского региона обязательным праздничным угощением являются баурсак и плов. В то же время в каждой области Узбекистана и сейчас еще сохраняются свои излюбленные специфические свадебные блюда⁹. У киргизов, по материалам С. И. Каракеевой, в свадебном угощении обязательны такие традиционные блюда, как лепешки, *беш-бармак* и *куйрук боор* (кусочки вареной печени с курдючным жиром) и др. Характерны и взаимовлияния. Так, на свадебном столе русских Среднего Поволжья можно встретить традиционные блюда других народов Поволжья (пирожки типа татарских *перемячей*, пельмени, орешки из теста и др.)¹⁰. Вместе с тем следует подчеркнуть, что даже у народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, где традиции обрядовой пищи достаточно живы, на праздничном столе все чаще появляются блюда, заимствованные у других народов СССР.

Когда опрашиваемые говорили о предпочтении свадьбы с соблюдением полного или частичного традиционного обряда, то речь шла чаще

⁸ Каракеева С. И. Указ. раб., с. 155.

⁹ Фириштейн Л. А. Материалы по пище узбеков южного Хорезма. — Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. I. М.: Наука, 1972, с. 56—57.

¹⁰ Зорин Н. В. Изменение традиционной русской свадьбы за годы Советской власти. — В кн.: Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976, с. 30.

всего, как это показывали дополнительные беседы, о современной свадьбе с элементами традиционных обрядов, в которой обычно редуцирован предсвадебный и послесвадебный циклы.

По интенсивности предпочтения национального свадебного ритуала среди народов, у которых проводились исследования, вслед за узбеками идут молдаване, затем грузины и эстонцы и только потом уже русские. За свадьбу с полным или частичным соблюдением национальных обрядов высказалось 55% молдаван в городе и 76% в селе; среди грузин и эстонцев около половины опрошенных в городе и чуть больше (до 53—55%) сельских жителей; среди русских в РСФСР — 1/3 в городе и около половины в селе.

Хотя в целом, как уже говорилось, отношение к традиционным свадебным обрядам соответствует степени сохранения традиционного комплекса культуры у народов в целом, у отдельных народов здесь проявляются и свои особенности. Например, у грузин довольно стойко удерживаются традиционные нормы взаимоотношений в семье (даже в городе 2/3 грузин считает обязательным получить разрешение родителей на брак: свыше 70% считают развод недопустимым, если в семье есть дети; сохраняется ориентация на народную музыку и танцы — им отдает предпочтение большинство опрошенных). Однако за свадьбу с соблюдением национальных традиций высказалось не более 53% опрошенных. Таким образом, национальные традиции, национальное самосознание у грузин находят выражение в каких-то других сферах и символах. Возможно, довольно высокий процент лиц, предпочитающих простое застолье (37%) и затруднившихся ответить на вопрос о предпочтительной форме свадьбы (10%), связан с тем, что в конце 60-х — начале 70-х годов свадьбы с национальным ритуалом нередко были чрезмерно пышными, приобретали престижный характер, что вызывало осуждение определенной части населения. Когда общественные организации в республике начали вести борьбу с искажением народных традиций, то эти меры получили одобрение населения (во время опросов общественного мнения за очищение народных традиций от «чуждых им наслоений» высказалось 74% опрошенных¹¹).

Несколько иная ситуация сложилась в Эстонии. Эта республика, как известно, одна из наиболее урбанизированных в Советском Союзе; пережитки патриархальных норм в семейных отношениях здесь в основном изжиты. Достаточно показательно, что 78% эстонцев считают необходимым согласие родителей на брак и 50% допускают развод, если у супругов появилось новое сильное чувство. Высоко ценя национальную музыку, предпочтение народной музыке и танцам отдают не более 10% (а среди молодежи 2%) эстонцев. И вместе с тем 45% эстонцев в городе и 55% в селе высказались за свадьбу с редуцированным или развернутым национальным обрядом.

Отметим, что в сельской местности каких-то закономерностей в отношении к свадебному ритуалу различных возрастных групп не прослеживается. Ясно лишь, что доля молодежи, высказавшаяся за свадьбу по традиционному обряду, оказалась не меньше, чем доля лиц старшего и среднего возраста, а в городе даже несколько больше (в возрастных группах 18—19 и 20—24 лет за свадьбу с полным или частичным соблюдением обрядов высказалось 47—51%, в группе старше 50 лет — около 40%). Говоря же о реальном бытовании в составе современной свадьбы элементов традиционной эстонской свадьбы, исследователи отмечают, что «жизнь сделала свой отбор». Несмотря на красочность, не привнесли такие элементы старой свадьбы, как надевание чепца и передника на новобрачную, «починка» передника, «распределение свадебных подношений». В то же время приобрели популярность такие обычаи, как преграждение пути свадебному поезду, проверка «умения» молодых (новобрачные должны публично продемонстрировать свои хозяй-

¹¹ Литературная газета, 16 ноября 1977 г.

ственные способности), «похищение» невесты (свадебная игра, сопровождающаяся выкупом «похищенной» невесты)¹².

Возможно, традиционный свадебный обряд в его современной форме, лишенный патриархальных черт и унижительных обычаев¹³, становится одним из символов, в которых находит выражение этническое самосознание. Подобную роль у прибалтийских народов играют праздники национальной песни, в которых они принимают широкое участие. При этом они повседневно обращаются к профессиональной художественной культуре своего народа и других народов СССР и прогрессивной зарубежной культуре. Среди эстонской интеллигенции за свадьбу с традиционными элементами высказалось даже несколько больше представителей городской интеллигенции (среди специалистов высшей и средней квалификации в городе — 46—57%), чем работников физического труда (42—43%). Это еще раз подтверждает, что отношение к свадебному обряду связано с выражением национального самосознания.

У русских или молдаван подобной ситуации не обнаружено. У них урбанизация явно способствует падению интереса к традиционным ритуалам. Напомним, что среди русских в РСФСР за свадьбу по традиционному обряду в городе высказалось вдвое меньше опрошенных, чем в селе, у молдаван — примерно на треть меньше. Среди интеллигенции и квалифицированных рабочих по сравнению с менее квалифицированными группами у этих народов меньше лиц, предпочитающих соблюдение традиционных свадебных обычаев. У молдаван в городе за свадьбу по традиционному обряду высказались 50—55% рабочих низкой и средней квалификации и около половины интеллигенции; у русских — около 30% рабочих и около 20% интеллигенции. Ситуация, сходная с той, что сложилась у эстонцев, зафиксирована М. Я. Устиновой у латышей. С 60-х годов, когда в Латвии сформировалась современная свадебная обрядность, включающая традиционные элементы, отвечающие нынешним нормам жизни, интерес к ней возродился, и такая свадьба стала наиболее распространенной.

Рассмотренные формы современного свадебного ритуала народов СССР отражают в определенной мере и национальную политику нашего государства. Напомним, что при конструировании сценариев торжественного ритуала бракосочетания комиссиями по внедрению новых обрядов учитывалась общая тенденция, отмеченная этнографами.

Наблюдения этнографов показывают, что в 30—40-е годы стали выпадать отдельные этапы традиционного свадебного ритуала. Но уже к началу 50-х годов положение меняется. Этнографы, изучавшие быт населения горнозаводского Урала, отмечают: «Об устойчивости бытования традиционной свадьбы в 1940—1950-е годы мы неоднократно слышали от наших информаторов, подчеркивавших, что многое из того, что, казалось, уже совершенно ушло из быта, вновь возродилось в эти годы»¹⁴. Это явление было отмечено также у алтайцев, армян, эстонцев, литовцев¹⁵. Возрожденные элементы традиционной свадьбы тщательно фиксируются исследователями, занимающимися вопросами бытования традиционной свадебной обрядности в наши дни. Сошлемся на одно из последних свидетельств. Изучение русской свадьбы в Среднем Поволжье показало, что в 1946—1960 гг. традиционный свадебный ритуал пережи-

¹² См. подробнее: *Калитс В. Я.* Указ. раб., с. 109—112.

¹³ Сватовство превратилось в знакомство семей будущих супругов, приданое в традиционном понимании у прибалтийских народов не существует и т. п.

¹⁴ *Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В.* Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974, с. 193. См. об этом также: *Анохина Л. А., Шмелева М. Н.* Культура и быт колхозников Калининской области. М.: Наука, 1964, с. 227; *Сабурова Л. М.* Указ. раб.

¹⁵ *Шатинова Н. И.* Семья у народов южной Сибири в свете современных этнических процессов. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978; *Тер-Саркисянц А. Е.* Современная семья у армян. М.: Наука, 1972, с. 142—147; *Калитс В. Я.* Современная свадьба на острове Кихну. — В кн.: Семья и семейный быт колхозников Прибалтики. М.: Наука, 1962, с. 118.

вал здесь определенную регенерацию¹⁶. Возрождение традиционных звеньев свадьбы ученые связывали с разными причинами¹⁷. Чаще всего указывалось на возросшее материальное благосостояние советских людей. Однако не исключено, что интерес к национальному свадебному ритуалу связан с проявившейся в 60—70-е годы общей тенденцией при помощи возрождения этнически своеобразных форм культуры избежать излишней стандартизации быта, связанной с научно-технической революцией, а также со стремлением к «эстетизации» быта и соответственно с желанием внести красочные, игровые элементы в эмоционально напряженные моменты жизни людей. Недаром в свадьбе возродились как раз развлекательно-игровые звенья, разумеется часто переосмысленные и наполненные новым содержанием. Однако некоторые свадебные традиции практически не прерывались. Например, молдавская свадьба, как и прежде, богата стихотворными декламациями¹⁸. Показательны наблюдения Н. В. Зорина в Среднем Поволжье. В «свадебную» анкету этого исследователя были включены вопросы, фиксировавшие изменения в таких традиционных предсвадебных действиях, как переговоры о приданом, получение «кладки» с жениха, одаривание родственников жениха и невесты, рукобитье и «запой», помощь подруг невесты при подготовке к свадьбе, девичник и обрядовое посещение бани. Итоги исследования красноречивы: за последнее время не было отмечено ни одной свадьбы, где был бы выдержан весь этот комплекс предсвадебного периода. В собственно свадьбу большей частью включаются всего один-два традиционных элемента. Причем наибольшее распространение имеют «битье горшков» (около 37% свадеб, проводившихся в 1966—1970 гг.) и «поиски ярки» (19%). Характерны модификации этих обычаев. Традиционное битье горшков после брачной ночи сейчас заменено битьем тарелок «на счастье». Обычай «искать ярку» давно превратился в театрализованное действо, цель которого — возобновление свадебного пира. Простой забавой стали хождение ряженных по улицам села, подметание новобрачной пола и другие обряды¹⁹.

Наши материалы позволяют выделить этноспецифические особенности рассматриваемого явления. К тому же, говоря о повсеместном возрождении элементов традиционной свадьбы, нельзя не охарактеризовать это явление и с точки зрения его специфики в отдельных социально-демографических группах населения. Так, у узбекской молодежи интерес к традиционной свадьбе не вырос; он остался примерно на том же уровне. Но отношение узбеков к свадебным обрядам не может быть показательным, ибо подавляющее большинство из них придерживается национальных традиций в быту. Не наблюдается повышения интереса к свадебной обрядности и среди грузин. Это скорее всего связано с тем, что, как уже говорилось, в 70-е годы происходило очищение национальных традиций от наслоений, не соответствовавших требованиям социалистического образа жизни. В то же время, если говорить о русском населении РСФСР, этнокультурные бытовые традиции которого в итоге стремительных социально-экономических преобразований были размыты в наибольшей степени, то этносоциологическим исследованием Института этнографии АН СССР отмечен заметный разрыв в интересе к традиционному свадебному ритуалу: среди лиц старше 60 лет 40% в городе и 60% в селе высказались за свадьбы с традиционными элементами, в других же возрастных группах такую форму свадьбы предпочитает около 20% в городе и около 40% в селе.

Таким образом, возрождение интереса к традиционному свадебному ритуалу, зафиксированное исследователями у ряда народов, объясня-

¹⁶ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1981, с. 184, 187.

¹⁷ См. об этом подробнее: Тульцева Л. А. Этнографические аспекты изучения религиозного поведения. — Сов. этнография, 1979, № 4, с. 51, 56.

¹⁸ Зеленчук В. С., Губогло М. Н. Национальное и интернациональное в советском образе жизни. Кишинев: Штиинца, 1979, с. 41.

¹⁹ Зорин Н. В. Русская свадьба в Среднем Поволжье, с. 183—186.

ется не только потребностью в ярком, более красочном оформлении торжественных моментов в семейной жизни. Это явление, несомненно, связано также с выражением в свадебной обрядности этнического самосознания народов. Свадьба, как и любое другое явление культуры, занимает свое автономное место в этнической структуре народа. Соответственно функционирующие в нашей жизни элементы традиционной свадьбы играют определенную роль в системе ценностно-нормативных признаков этнического самосознания²⁰.

Закономерности изменений традиционных элементов в современной свадьбе определяются многими социокультурными условиями. Но важно отметить, что характер функционирования ценностно-нормативных признаков этнического самосознания, проявляемого в современном свадебном ритуале, определяется, во-первых, диалектикой национального и интернационального в образе жизни советских людей и, во-вторых, еще более общим фактором — тем, что свадебное действо любого народа имеет общечеловеческие интернациональные черты. Примечательно, что при общей тенденции к восстановлению в свадебном ритуале традиционных элементов возрождаются именно те из них, в которых заложено интернациональное ядро, которые утверждают общегуманистические идеалы и являются символами добра и красоты. Межэтнические контакты, взаимовлияния и нарастание сродства свадебных традиций разных народов — вообще характерная черта современного развития национальных культур. Итогом социокультурного развития народов стало повсеместное утверждение новых форм современного свадебного ритуала, включающего торжественную регистрацию брака, новые формы свадебных поздравлений, застолья и развлечения и лучшие традиционные элементы народной свадебной обрядности.

Таким образом, если одни факторы, прежде всего такие, как урбанизация, преодоление отживших традиций, связанных с религией и патриархальными отношениями, ускоряющиеся темпы жизни и известная стандартизация ее, обусловленная научно-технической революцией, приводили к тому, что интерес к семейной обрядности падал, то некоторые другие, в том числе связанные с психологией людей, наоборот, повышали интерес к ней.

Дальнейшее изучение отношения к обрядам вообще, и к семейным в частности, в связи с изменениями в общественной психологии, этническом самосознании, функционированием общественного мнения может значительно обогатить наши представления о тенденциях и перспективах их развития.

²⁰ К сходным выводам о месте традиционного слоя культуры в общем культурном фонде народа приходят и другие исследователи. С. С. Савоскул пишет: «В социалистическом обществе... этнически консолидирующая роль традиционно-бытовой культуры может даже возрастать. Это особенно проявляется среди отсталых в прошлом народов, лишь недавно начавших создавать формы современной профессиональной культуры, которая вследствие этого имеет еще относительно небольшой объем. С ростом культурного уровня и подъемом национального самосознания этих народов естественно их обращение к традиционной культуре в поисках этнически особенного выражения их национального бытия» (*Савоскул С. С. Культура сельского населения Татарской АССР (Опыт этносоциологического исследования освоения культуры)*. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978, с. 18). На примере изучения культуры кабардинцев и балкарцев тот же вывод делает М. Г. Кумахов: «Традиционные элементы культуры, являясь этническими символами, как бы ни было велико расхождение между их знанием, фактическим распространением и ориентацией на них, играют на данном этапе развития кабардинцев и балкарцев этноконсолидирующую роль» (*Кумахов М. Г. Новое и традиционное в духовной культуре кабардинцев и балкарцев*. — В кн.: *По пути Великого Октября. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции*. Нальчик: Эльбрус, 1980, с. 122). См. также работы Е. Клементьева, Г. Старовойтовой и др.